

Николай Светунов

Не погаснет
дущи огонь!

Николай Свистунов

Не погаснет души огонь!.
Рассказы, пьеса, стихотворения

«ИП Князев»

2010

Свистунов Н. Ю.

Не погаснет души огонь!. Рассказы, пьеса, стихотворения /
Н. Ю. Свистунов — «ИП Князев», 2010

В настоящем издании представлен цикл «Тюремные рассказы», пьеса «Протокол» и стихотворения Николая Свистунова, в которых отражена жизнь современной России – на воле и «по ту сторону свободы».

Содержание

Воздух в камере	5
Тюремные рассказы	8
Крыса	8
Овраг	20
Выходные	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Свистунов Не погаснет души огонь!

Воздух в камере

*Я жив не единым хлебом,
А утром, на холодке,
Кусочек сухого неба
Размачиваю в реке...*

Варлам Шаламов

В местах лишения свободы Николай Свистунов находится с августа 2003 года. Степень справедливости приговора, отправившего бывшего мэра города Волжска, депутата Госсовета Республики Марий Эл на тюремные нары – тема отдельного разговора. Заметим только, что подавляющее большинство россиян убеждено, что повязка на глазах отечественной Фемиды – свидетельство не беспристрастности ее, а слепоты. И не всегда объяснимой суровости, даже беспощадности.

Одно бесспорно: образ жизни человека, оказавшегося за тюремной решеткой, кардинально меняется. И вопреки всем романтическим байкам тюремная действительность чаще всего приводит к дегуманизации заключенных. Не зря Варлам Шаламов считал лагерный опыт отрицательным и совершенно опустошительным для человеческой природы.

Поэтому тем более заслуживают уважения люди, не только не утратившие в условиях неволи дух свободы, способность к самостоятельному мышлению, чувства сострадания и сопереживания, но и умудряющиеся заниматься творчеством.

К числу этих немногих относится и волжанин Николай Свистунов. За семь лет, проведенных в колонии строго режима, он написал несколько книг, в том числе для детей, сценарии к трём фильмам, снятых заключёнными, выпустил три компакт-диска со своими песнями. Творчество литературное и музыкальное он дополняет еще и живописным – пишет иконы.

Две его книги уже увидели свет. Это прозаический сборник «По ту сторону свободы» и детская книжка «Золотая серёжка». Книга, которую вы держите в руках, создана тоже в

местах не столь отдаленных. Большинство её героев – либо заключенные, либо люди, имеющие тюремный опыт. Придумывать их автору не было необходимости – за годы лагерной жизни многие судьбы прошли перед его глазами. Поэтому так достоверны и Босой из рассказа «Крыса», и Сергей Калганов из «Дела чести», и Авенирович из «Дня рождения».

Эта достоверность достигается еще и за счет того, что при всей симпатии к персонажам своих рассказов Свистунов не пытается их идеализировать. За грабеж и убийство получил 14 летний срок Босой, в крови руки Сергея Калганова. Однако есть и другие заключенные, попавшие под тяжелое колесо российского правосудия. Таковы Вовка Пермьяков и его «дружбан» Ванька Шалаев.

«Первый срок Пермьяков Вовка получил за «бакланку», в простонародье – драку. Второй срок за кражу, третий опять за драку, а все остальные сроки – за мелочёвку. То сумку у дамочки стащит, то напьётся и залезет ночью в ларёк за бутылкой водки. Районные судьи его хорошо знали и сроки давали небольшие. Знали: человек Пермьяков Вовка не вредный, а просто невежудий. А ещё пьёт много. («Выходные»).

Похожая судьба и у Андрея Тихомирова из рассказа «Справка»: «Вдвоём с дядькой они во вскрытой квартире и взяли-то всего ничего: пару секций отопления, гвоздодёр, разломанные напольные весы. Так, всякую мелочь. Однако районный судья церемониться не стал. Припаял Андрею Тихомирову три года колонии общего режима».

Николай Свистунов с горечью констатирует: в стране, где от суммы и от тюрьмы принято не зарекаться, героем его «Тюремных рассказов» может оказаться не только матерый преступник, но и самый обыкновенный работяга, который, по сути, и сам – лишь жертва обстоятельств.

И в то же время пронзительный взгляд из-за решетки, брошенный автором на «вольную» жизнь, заставляет усомниться в том, насколько свободны люди, живущие на этой самой воле. Разве можно позавидовать спившимся и опустившимся мужикам из деревни Нижняя Пусто-мойка («Овраг»), или троице друзей из речного поселка («Река Кама»), которая на наших глазах теряет человеческий облик, или потерявшим надежду жителям поселка Советск?

«В посёлке Советск пили все часто и помногу от отсутствия работы и безысходности. Мужчины и женщины, старики и подростки. А чего делать-то? Источник цивилизованного заработка закончился пятнадцать лет назад». («Случай в поселке Советск»).

О несвободе современного общества убедительно говорится в пьесе «Протокол» – ярком срезе жизни нынешней России. И дело даже не в типичном примере фальсификации, имевшей место на президентских выборах 2 марта 2008 года – о них, кстати, в то время сообщали довольно многие средства массовой информации. Выборы без выбора – это сюжетная линия пьесы, в которой очень точно запротоколированы умонастроения россиян, живущих в стране, где власть уже ничего не боится, а в народе, как ржавый гвоздь, застрял страх. А конкретное время действия, названия реальных политических партии, их лидеров и руководителей государства придают этому драматическому произведению ощущение документальности – элемент, которым широко пользуется современный театр. Один из последних примеров – спектакль «Коммуниканты» по пьесе Дениса Ретрова, премьера которого состоялась 3 сентября 2010 года в московском театре «Практика». Его герои, в частности, цитируют речи членов партий «Единая Россия» и «Справедливая Россия».

И все-таки даже такой, далекий от совершенства, уклад гораздо лучше тюремного, с которым неожиданно для себя сталкивается Серега Некрасов («Дебошир»). Вынося с сокамерником парашу, он с ужасом думает о своем пребывании в изоляторе временного содержания: «Неужели так будет всегда? Нет! Не может этого быть! За что?..» И когда над ним нависает угроза вновь очутиться за решеткой, он предпочитает неволе смерть.

Особое место в творчестве Николая Свистунова занимает поэзия. Как уже было сказано выше, он выпустил три компакт-диска с песнями, музыку и стихи к которым написал сам. На обложке одного из дисков, записанного в условиях колонии, выражается надежда на «пони-

мание причины технического состояния материала». Представляется, это относится не только к качеству звука, но и к самим поэтическим текстам – хотя бы потому, что после знаменитого «Окурочка» Юза Алешковского да, кстати, и других его песен, написанных в 1950-1960-х годах, многие современные блатные песни кажутся и вторичными, и не столь мастеровито отделанными.

Однако в лучших стихотворениях Свистунова есть и своя интонация («И солнца нет, оно ушло,/Забыло заглянуть./ И зарешчено окно/ – Всей грудью не вздохнуть»), и свой образный ряд («Почернела осень от бушлатов...»), и как-то не вяжущиеся с обликом уголовника размышления и боль за судьбу Родины – России («На пологих берегах тихони речки...»). У него есть главное – свой поэтический голос, который, будем надеяться, в иных условиях – на свободе – окрепнет и преодолеет «технические трудности».

Ведь сумел же обладатель этого голоса преодолеть угнетающее однообразие и монотонность лагерных будней:

Я рисую на листе Лето,
Чтобы в камеру впустить Воздух.

Николай Свистунов сумел заполнить тюремную камеру воздухом творчества – удивительной субстанцией, подвластной только свободным людям.

Сергей Щеглов.

Тюремные рассказы

Смотреть и видеть – разные вещи.

Крыса

В потемневшую от времени оконную раму робко заглянул солнечный луч. В тюремном бараке стало чуть светлее. Двухъярусные железные кровати стояли в два ряда. Первый ряд теснился вдоль стены с небольшими окнами, которые от грязи и копоти, от табачного дыма были серыми и почти непрозрачными. Сергей Басов, по кличке «Босой», спал во втором ряду. Его шконка¹ стояла за каменной колонной и одним краем выходила как раз на барачное окно. От ночного дыхания сотни заключенных в воздухе витал противный спертый запах человеческого пота и усталости. На втором ярусе этот запах был особенно густым и смачным. За окном робко начинался новый день. Один из многих дней на планете Земля.

Сергей Басов закрыл глаза и тихо выдохнул. Его выдох был похож на стон раненой собаки, которая, поджав хвост и зализывая раны, отлеживается в укромном углу под сломанным забором на окраине деревни. Было от чего вздыхать. Судья выписал ему срок не по-детски. Ему дали четырнадцать лет. Целых четырнадцать лет с отбыванием срока заключения в колонии строгого режима. Из этих четырнадцати лет он отсидел семь месяцев в тюрьме, а потом через два месяца странствий по стране в столыпинском вагоне, через десяток «пересыльных тюрем» его привезли в железном фургоне в эту колонию строгого режима. Так оказался Сергей Басов в лесной зоне Республики Коми. Знаменитое, между прочим, место, на всю страну знаменитое. В краю тайги, мошки и лагерей. Четырнадцать лет просидеть в таёжном лагере сложно. Выжить, остаться человеком, ещё сложнее! Не каждому дано судьбой. Не каждому здоровому и крепкому под силу, а ему и подавно. Ростом Сергей Басов был мал, здоровышкой Богом обиженный, а силой в мышцах и подавно. За те месяцы, что провёл за решеткой, он потерял килограммов десять весу и выглядел, как страхолюдина какая-то. Мысль о том, что ему предстоит ещё тринадцать лет тянуть срок в этой глуши, кормить комаров и пахать, как «папа Карло», приводила его в такое уныние и тоску, что на глаза навертывались слезы, а в горле вставал комок, который проглотить не удавалось долго и мучительно.

Сергей Басов перевернулся на левый бок и закрыл глаза. Было около пяти часов утра. Долгие месяцы тюремного срока приучили его чувствовать время.

До подъема оставался час. Ровно в шесть утра противного звука сирена загудит на весь лагерь. Барак начнёт медленно просыпаться. Контролёр забежит в барак, откроет рот и начнёт орать, как оглашенный, пытаясь разбудить и поднять с нагретых нар зеков, отработавших вторую и третью смену. С этого самого момента и начнётся отсчёт нового дня, до отбоя. Отбой в десять часов ночи по местному времени. До отбоя надо ещё дожить. Сергей Басов опять тяжело вздохнул и лёг на спину. С некоторых пор он начал просыпаться по утрам. Как бы ни устал, но ровно в пять часов глаза сами открывались. Мутный свет раннего утра врывается в его мозг и больше не давал уснуть. Полудрёма сковывала тело Сергея Басова, и начиналось самое страшное. В голове начинали бродить мысли. Противные и ненужные. Самое странное, что мысли были с запахами. Они пахли то смертью, то раскалённым железом, а то вдруг тянуло свежим ветерком, и голову Босого окутывал аромат свежескошенного сена. От этих запахов у него кружилась голова. Ноздри начинали раздуваться, словно кузнечные меха, а сердце колотилось, как на стыках рельсов стучит скоростной поезд «Москва – Сыктывкар». Мысли мета-

---

¹ Объяснение непонятных слов см. в примечании

лись и жгли. «Не к добру это», – успокаивая себя, тихо, вполголоса, говорил Сергей Басов по кличке «Босой». Это мало помогало. Что-то происходило с ним, а что – Сергей Басов понять не мог. Так ведь, ладно, мысли и запахи. Напасть если приходит, то добывает человека «до талого». Вчерашнее утро принесло новую печаль. Рядом с собой, как раз напротив шконки, ровно в пять утра, услышал он голос. Босой испугался так, что на лбу у него выступили холодные капли пота, а рот от ужаса открылся и секунд десять не мог закрыться вовсе. Хорошо хоть голова острижена под ноль, а не то бы и волосы встали дыбом, как вертухай на вышке. Голос был тихим и вкрадчивым. Он явно принадлежал пожилому человеку, который хорошо знал Босого. Незнакомец знал не только его родословную, но и характер, и привычки, и мысли. Голос немного поговорил с ним в тишине спящего барака и затих. Поговорил так, ни о чём. То да сё! Босой в Бога не верил. Он не признавал Бога. Зачем думать о том, что ждёт тебя на небесах после смерти? Лучше хорошо жить на этом свете. Священнослужителей он презирал и называл их попами, а если поп, то обязательно бездельник и лжец. В чудеса Босой не верил и страшно матерился, когда кто-то рассказывал ему о православии. Первая мысль, которая пришла ему в голову после того, как страх затих, была мысль о том, что он сошёл с ума. Немного полежав на тонком тюремном матрасе, он понял, что с ума не сошёл. В голове после услышанного голоса как то даже посветлело. На сумасшествие это было не похоже. Тогда что это было за наваждение?! До самого подъёма голос больше ничем себя не проявлял. Весь день Босой думал о том, что было с ним утром, но ничего не смог для себя определить. «Будь, что будет», – решил он и постарался забыть утреннее наваждение. И вот новое утро. Пока тихо. Босой тихо охнул. В который раз за утро он повернулся на левый бок. Тусклый северный свет начал набирать силу. В бараке, на черных шконках, стали отчетливо видны фигуры людей, спящих в различных позах. В дальнем углу барака загрохотали ведрами уборщики. Скоро подъём.

Преступление Босого было страшным. Однажды ночью, втроём, они «подломили» квартиру в двухэтажном деревянном доме. По наводке кореша в этой тихой квартире должны были водиться «тугрики и американские рубли». Квартиру взяли рано утром. Замок в двери был не похож на те замки, которые стерегли деньги, и Босой ещё тогда, перед дверью, обитой коричневым дерматином, понял, что они лоханулись. Как в воду глядел! Квартира была обычной. Ни денег, ни драгоценностей они не нашли. Перевернув вверх дном две комнаты и кухню, озлобленные неудачей грабители ворвались в спальню и застыли на месте. На кровати, прижавшись друг к другу, сидели две девушки (позже выяснилось, мать и дочь). Босой увидел в глазах обречённых женщин леденящий душу страх. Что случилось дальше, он помнил, как в тумане. Его подельники набросились на женщин с монтировками, которыми открывали дверь, и начали их избивать, остервенело и безжалостно. Через пять минут всё было кончено. Два окровавленных тела распластались на кровати, широко раскинув руки. «Как на распятии», – мелькнуло в голове у неверующего в Бога Босого. Подельники, с ног до головы измазанные кровью, недобро посмотрели на столбом стоящего посреди спальни Босого и не сговариваясь, протянули ему каждый свою монтировку. Босой побледнел, но протянутую монтировку взял. Ему не надо было объяснять, что влип он по самое некуда. Законы «кодлы» он знал. Подельники должны быть связаны кровью. Если он не станет добывать смертельно раненых, возможно, уже мёртвых, женщин, то ему прямая дорога вслед за убиенными на тот свет. Он почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Монтировка была липкой от крови.

Из живота полезла рвота, но Босой сдержался. Инстинкт самосохранения оказался сильнее. Показывать слабость в таком деле равносильно подписанному смертному приговору. Завтра напоят палёным спиртом и придушат. Побоятся, что сдаст в «мусарню». Выбора не было. От этой безысходности Босой качнул нахлынувшую откуда-то из глубины души злобу и с диким криком набросился на первое попавшееся под руку женское тело. Молодое. Он несколько раз с размаху ударил монтировкой по удивительно мягкой плоти и совсем обезумел от этой мягкости и податливости. Кровь тёмными каплями брызгала в его лицо. От каж-

дой капли чужой крови он вздрагивал, и волна страха накрывала его с головой. Босой одной рукой лихорадочно вытирал с лица кровь, а второй машинально наносил удары. Он уже не видел, куда бил окровавленной монтировкой. Этот процесс, казалось, не закончится никогда... Однако всему приходит конец. Подельники оттащили его за руки от тела и, вырвав из руки монтировку, бросились вон из квартиры. Босой побежал за ними, закрыв глаза, натываясь на все углы, что попадались ему навстречу. Практически на автомате. Как добрался до дома, он не помнит до сих пор.

Удивительно, но их не нашли. Прошёл год. Этот год для Босого запомнится на всю оставшуюся жизнь. Он прошёл в страхе. Босой не жил. Босой существовал. Страх заливал спиртным. Бродил пьяным по городку, шарахаясь от каждой милицейской машины, от каждого проходящего мимо милиционера. Если он не был пьяным, то у него начинались видения. Он не мог работать. Он не мог отдыхать. Каждую минуту ему чудились глухие удары монтировки по мягкому женскому телу. И ещё кровь. Кровь хлестала по лицу. Босой вытирал ее обеими руками, но вытереть до конца не мог. Липкая, она плёнкой покрывала щёки и шею. Дико озираясь по сторонам, Босой принимался раздеваться и с отвращением разрывать одежду на клочки. Однажды ему надоело бояться. Он одним глотком опустошил поллитровую бутылку водки и, не закусывая, махнув рукой, с криком: «Будь, что будет!» пошел в отделение милиции и сдался. Явка с повинной. Всё рассказал. В мельчайших подробностях. Что удивительно: после того, как следователь поставил точку в протоколе допроса, с его души будто свалился огромный камень. С тех пор видения его не посещали. Босому срок дали меньше всех. Всего-то четырнадцать лет. Суд прошёл при пустом зале. Эка невидаль – двух женщин убили. Со стороны потерпевших на суде сидела одинокая женщина, три студента да две случайно забредшие от любопытства тётки. К Босому на суд никто не пришёл, некому. Родители умерли, когда ему было лет пятнадцать. С женой жизнь не сложилась. Несколько лет назад она забрала поутру крохотную дочку и исчезла из его жизни навсегда. Босой сильно не печалился. «Баба с воза – кобыле легче», – сказал себе он и забыл о семье. Как не было. Однако прошло время, и понял он, что никому на этом свете не нужен. Один. Ждать из тюрьмы было некому. Жалеть некому. Передачи возить... Ничего у Босого на воле не осталось. Один туман.

Однако и в зоне ничего не было, ни друзей, ни приятелей. Один. Правда, «подельники» обещали «замочить» за то, что сдал их банду. Пришёл с повинной. При возможности, конечно. Страшно.

Главное лекарство от мозгов в колонии – это труд и суета. Надо много трудиться и много бегать туда-сюда. В этом случае мысли куда-то теряются. Они улечиваются, и голове легко. Хорошо ни о чём не думать. По звонку разбудят, по звонку накормят, по звонку выведут на работу и прогонят с работы. Мысли приходят только во время отдыха. Если совсем не отдыхать, то можно продержаться до самого отбоя. Усталость возьмет своё, и голова, едва коснувшись подушки, провалится в спасительный сон. Все бы хорошо. Остаётся только утро... Опять утро и опять пять часов. Как по звонку будильника, мозг проснётся и заставит Босого открыть глаза. Что за напасть?

Босой не ходил на работу в промзону. С его силёнкой там нечего было делать. В лесном лагере пилили лес. Огромные стволы деревьев привозили в лагерь лесовозы. Они возили лес круглые сутки, несмотря ни на какую погоду. Лагерная промышленная зона была огромной территорией. На ней в несколько рядов дыбились металлом пилорамы. Скрип железных цепей и вой пил сливался в одну какофонию. Зеки пилили лес в три смены. Таких доходяг, как он, не любили. Работа в промзоне была денежной. При выполнении плана «мужики» получали приличные (даже по меркам воли) деньги. Каждый человек в бригаде был на виду. Нахлебников не терпели и быстро избавлялись от них. Близко не подпускали к денежной работе. Босой подвизался помощником у плотника. Где рамы в бараке починить, где скамейку в курилке подправить. Это так, для ларька. Заработная плата была копеечной, но это было не главное. Главное

– быть, как все. Чтоб на курёху можно было в лабазе один раз в месяц отовариться. Вместе с рабочими его бригады. Основной же работой у Босого был чай. Он считался по лагерным меркам «баночником», проще «шнырём», ещё проще – готовил чай. Заваривал его в трехлитровой банке по заказу работников баланды или зеков, которые не выходили на работу. Кому крепкого чая, кому чифира. Ещё в его обязанности входил контроль за барачными шнырями. Это была ответственная работа. Наверное, блатные поставили его контролировать свою собственную кухню в силу его возраста и статьи. Забот хватало. Блатные жили большой семейкой и с большой обслугой соответственно. Смотрящий за бараком, по прозвищу Хан, был суров и крепок на кулак. От его ударов «шныри» летали по бараку, не задевая половых досок. Одним словом, веселуха. Приходилось ухо держать востро. Забот хватало на весь день. С избытком. Босой был на «движухе» – как здесь говорят. Ночь приходила незаметно. Смеркается на севере быстро.

Босой проснулся и посмотрел на старенькие наручные часы. Пять утра. Он несколько раз моргнул глазами, разгоняя остатки сна, и притих, ожидая повторения вчерашнего. Несколько раз перевернувшись с боку на бок, он с надеждой подумал: «Вдруг проскочит? Вдруг придёт шесть утра без приключений?». Прошло пятнадцать минут. Тихо. Сосед с нижнего яруса начал говорить во сне, громко и неразборчиво.

– Может, мне вчера утром показалось, – подумал Босой. Ему так хотелось, чтобы это было правдой, но этого не случилось. В утренних сумерках тюремного барака, как раз напротив шкодаря Босого, старческий голос тихо сказал:

– Не спишь?

От неожиданности и страха Босой замёрз в одну секунду. Предательские мурашки пробежали по спине и щекам.

– Ответить, не ответить? – мелькнуло в голове у Босого.

Голос, будто читая его мысли, сказал:

– Поговорим, чего молчать. Ничего тут нет особенного. Это только попусту языком молотить – грех, а если по делу, то сплошная польза для человека. В разговорах человек спасается. Есть кому душу излить – вдвойне ценно. Давай поговорим, раз уж не спишь.

– Поспишь тут! – передёрнулся Босой и ему показалось, что от этих слов «голос» будто ухмыльнулся в пугающей пустоте.

– На всё воля Божья! Человек – его создание. Значит, Бог волен решать так, как считает нужным. Ничего не делается без промысла Божьего. За все дела – худые и добрые – ждёт человек расплата. Кому при жизни достаётся благодать Божия, кому после смерти. Одним ад крошечный на земле, другим – на небесах. Всё по-разному. Вот и ты страдаешь за свои грехи....

– Кто ты? – стараясь приглушить взволнованный голос, готовый перейти на крик, спросил Босой.

– Какая тебе разница? Если ты говоришь, что Бога нет, тогда и объясняй моё появление сам.

– Так не бывает! Тебя нет, а голос мне кажется! Значит, я сошёл с ума!

– Если ты не видишь меня, то это не означает, что меня нет. Твой ум в порядке. Я существую.... Успокойся.

– А если ты существуешь, то прошу тебя, исчезни из моей жизни.... Зачем я тебе? Почто ты пришел мучить меня?!

– Бог любит тебя! Он дал тебе понять, что ты ещё не совсем потерянный человек.

– Так ведь я убийца! Как меня Бог любить-то может? Разве он любит таких грешников, как я?

– Бог раздражается не на тех, кто грешит, а на тех, кто не кается. Что ему до праведников! Он грешников любит не меньше, а, может, больше. В тебе осталось что-то от человека. Тебя

мучает совесть. На звуки твоей совести я и пришел. Согласись, что в вашей современной жизни немного найдется человек, имеющих это удивительное чувство. Бог сжалился над тобой. За твоё злодеяние гореть тебе в аду. Погибнуть мучительной смертью, а тебя лишь посадили в тюрьму. За колючую проволоку. По- житейски это несправедливо. Ты убил человека. Молодую девушку. За смерть – смерть. Разве можешь ты сравнить её кончину и свой срок в тюрьме? Её уже давно нет на белом свете, а ты жив-здоров. Видишь небо, облака, рассвет. Разве девушке этого не хотелось? Так же как тебе жить? По промыслу Божьему ты оказался здесь. Терпи и радуйся. Могло быть хуже. Могло случиться страшное для тебя событие на этом свете – смерть без покаяния. Ты не умер, ты живешь. Этот факт говорит о многом. За свои злодеяния каждый человек получает по заслугам. Ничто не остаётся у Господа без ответа. Ни хорошее, ни плохое. Кайся, молись, проси прощения у Господа Бога нашего. Чтобы даровал Он тебе милость свою. Простил тебе твои страшные грехи.

– Как же! – ухмыльнулся невидимому собеседнику Босой. – Мои подельники ни в чёрта, ни в Бога не верят. Убивали вместе со мною. Однако устроились не чета мне. Один остался на местной зоне. Ещё на пересылке слышал, что он пошел в «красные». Завхозом зоны работает. В кожаном пиджаке разгуливает. Ему мусора сами водки наливают. А второй денег заплатил – и по больницам шкуру трёт. Говорит, что «рак» у него. Собирается комиссоваться. Врёт, собака серая! Денег много – вот и болеет. Знаем мы эти болезни. Получается, раз денег нет, то тебя ждет кара Господня. Будешь от работы подыхать и от голода. Деньги есть – и никакого Бога не надо.

– Не торопись с выводами. Никто не знает промысла Божия. Ты не думай о других. Ты о себе думай. Когда предстанешь перед Господом Богом на страшном суде, на кого будешь ссылаться?

– До страшного суда ещё дожить надо, – зло прохрипел Босой.

– Босой! Угомонись! С кем ты в такую рань трещишь?

Голос зека с нижней шконки подействовал на Босого, как ушат холодной воды, вылитый на него в знойный день. Он дёрнулся всем телом и зажал рот рукой.

– Больше ни звука, – подумал про себя он. – Если рассказать кому, то хана. Засмеют. Приколотов хватает. Не отмажешься. На крайняк признают сумасшедшим. После такого «косяка» недолго и в «угол съехать».

Над шконкой пронёсся легкий смешок, и всё стихло.

«Обиженные» расплескали по коридору воду и принялись за уборку. Когда завывла сирена, Босой был уже на ногах. Надоело ворочаться с боку на бок.

День не заладился с самого подъёма. После утренней проверки у Босого вдруг засосало под ложечкой. Такая тоска напала – хоть вой. Он угрюмо покосился на курящих возле двери зеков и, сгорбившись, пошёл в барак. Зашёл в «биндюк» к плотнику и рухнул на деревянную скамейку. Плотник Колян, пенсионного возраста мужик, покосился на Босого, но ничего говорить и спрашивать не стал. Своих проблем хватает. До завтрака сидели молча. Выкурили по сигарете, по звонку, не стовариваясь, одели лагерные лепни и вышли строиться на завтрак. Чёрная масса отряда сгрудилась возле железной решётки локальной системы. Наконец ключник открыл дверку, и зеки повалили на площадку перед решёткой на построение. Тех, кто не работал в лесу или на пилораме, на завтрак, обед и ужин водили только строем по пять человек в ряду. До столовой было недалеко, порядка ста метров ходу. Расстояние мало волновало кого-либо из начальства. Порядок есть порядок. Если приказал хозяин зоны водить зеков в столовую строем, то будут водить. В соседней зоне водят под барабанный бой. И ничего, привыкли. Контролёры матерными криками выгнали зазевавшихся зеков из барака на улицу. Холодный северный ветер пробежался по макушкам голов и затих, оставив на теле «гусиную кожу». Несмотря на то, что на дворе был июнь, холода не сдавались.

– Разобрались по пятёркам! – закричал контролер. Он, матерясь, обошёл шевелящуюся чёрную массу зеков. Осужденные нехотя разобрались по рядам и от холода начали перебирать ногами. Наконец колонна двинулась в столовую. Босой быстро пересчитал своих шнырей и зло плюнул на бетонную дорожку. Из его команды не было двоих зеков. Это означало, что остальным шнырям, а главное, и ему в их числе придётся тащить жратву для блатных в двойном размере.

– Сволочи. Спят где-нибудь. Закопались в бараке, – тихо проворчал Босой. Настроение всё больше портилось. Голос старика показался Босому каким-то знакомым, и он всё утро силился вспомнить: кого он напоминает. «Может, разыгрывает кто?» – вертелось у него в голове.

– Заходи по одному, – крикнул сержант контролёр, и полсотни зеков гуськом потянулись в помещение столовой.

– Жратву из столовой не брать! Кого замечу с банками – пять суток ШИЗО. Обнагтели блатные! Даже хавать в столовую не ходят! А кто-то им прислуживает!

Сержант орал во весь голос, а зеки равнодушно проходили мимо. Каждый в зоне знал своё место и степень своей свободы. Контролёру зеки давно дали погоняло Белоснежка. Они всем мусорам давали клички и редко ошибались с выбором. Обычно били в точку. Парень имел светлые волосы и красивое женское лицо. Был он маленького роста, а от этого вредный и злой. Про Белоснежку и семь гномов в клубе крутили мультик. Девочка удивительным образом была похожа на контролёра. Так его и обозвали – Белоснежка. На него мало кто обращал внимание. В зоне давным-давно устоялся определённый порядок. Не сержанту его менять. Для Хозяина зоны главное было – выполнение плана по переработке древесины. Поступающий в зону лес едва успевали пилить. Пилорамы были ещё довоенных времен и ломались удивительно часто. Блатные на этом делали свою политику. Как только на зоне случался с зеками скандал, так тут же ломались пилорамы. Администрация зверела, а блатные только посмеивались. Они были в стороне. Наказывали мужиков. Мужики начинали ещё больше «бузить». План горел синим пламенем. Хозяин вызывал на беседу блаткомитет, и они мирно договаривались. Конечно, не наглея. Не переходя грань дозволенного. Хватало и тех поблажек, что были. Негласная договоренность позволяла одним делать вид, что они подчиняются приказам и выполняют их, другим – не замечать невыполнения. Все довольны. Блатные откусили себе привилегию не ходить в столовую. Шныри, прислуживающие блатным зекам, банками таскали из столовой еду прямо в барак. Прятали банку под тюремную робу. Мусора делали вид, что не видят, а зеки не нагтели и в открытую банок не носили.

Босой не зря сплюнул на бетонную дорожку. Теперь, когда в его команде не хватало двоих шнырей, одну банку придется тащить ему (а не очень хотелось), а за второго отсутствующего зека другой шнырь понесёт две.

– Копейка! Возьми вторую банку, – сказал Босой, угрюмо глядя на молодого паренька из своего барака.

– А чё опять я? – огрызнулся тот. – Вчера вечером на ужине две банки тащил. Пусть Глухой несёт. Я худой, у меня всё видать, а Глухой – толстый. Смотри, у него пузо какое! В таком пузе можно замаскировать хоть трёхли-тровку!

– Поговори ещё! Салабон! – Босой внимательно посмотрел на шныря. Тот опустил глаза и сник. Копейка молча подошёл к краю стола и засунул литровую банку себе под лепень.

– Выходи строиться, – крикнул Белоснежка, и зеки, отодвигая скамейки, нехотя пошли на выход.

Из столовой Босой вышел последним. Пристроившись к хвосту колонны, он тихо побрёл, устало передвигая ноги. Слабость сдавила ему грудную клетку, и он начал задыхаться.

– Вот чёрт, – вполголоса ругнулся Босой. – Только этого ещё не хватает. Болеть в зоне нельзя. Медикаментов нет. Врачей тоже. В медпункте только старый алкоголик майор «Полулитра» да просроченные микстуры.

Он тяжело вдохнул в себя как можно больше воздуха, и перед глазами у него запрыгали светлячки. Кое-как Босой дошёл с общим строем зеков до барака. В «локалке» зеки расслабились и закурили. Часть заключенных принялась ходить вдоль барака, прогуливаясь по парам, а остальные вошли в здание. Босой решил погулять на свежем воздухе. В груди неприятно ныло. Хотелось свежего воздуха и одиночества. После небольшой прогулки Босой запланировал было пойти и полежать в плотничком биндяке, но отдохнуть не пришлось. К нему подбежал встревоженный шнырь Копейка и на ухо прошептал страшные слова:

– Босой, тебя по всему бараку ищут. Хан вызывает.

Вызов к Хану ничего хорошего не сулил. Обычно Хан подходил к Босому в удобное для него время и все вопросы решал лично. Смотрящий вызывает к себе в каптёрку только тогда, когда что-то случается в бараке, и этот случай надо разобрать на блаткомитете.

– Вот чёрт, – громко выругался Босой. От этого брошенного в пустоту слова у него ещё сильнее сдавило в груди. Он почему-то вспомнил утренний старческий голос и от этого Босому стало ещё хуже. Еле передвигая ноги, предчувствуя что-то нехорошее, он медленно поднялся в барак и зашёл в открытую дверь каптёрки.

Каптёркой смотрящего за баракком была небольшая кладовка, переделанная зеками под комнату. Она была настолько мала, что в неё не уместился даже обыкновенный обеденный стол. Плотники сколотили небольшой журнальный столик и подобие диванчика. Если в каптёрку садилось пять человек, то шестой уже стоял в дверях. Даже такой небольшой уголок блатные отбивали у администрации колонии пол го да. Пока дело не дошло до массового отказа от работы заключённых, которые выезжали в тайгу на заготовку леса. Нет, конечно, бастовали они не из-за каптёрки, а из-за того, что в эту командировку зекам не выдали спецодежду. Кирзачи у мужиков поизносились, лето было холодное и дождливое. Как только нога зека вступала на болотистую почву тайги, так тут же и промокала. Мужики набузили, а Хану только этого и надо. Под шум винтов он выцыганил у хозяина разрешение на «свой биндяк». Мужиков благополучно отправили в лес, пообещав исправить ситуацию к следующему разу, а Хан получил старую кладовку без окон и за неделю переделал её в приличную комнату. На зоне мастеровитых людей хватает. Интерьер и мебель сделали на славу. Из цеха ширпотреба уволокли большую банку мебельного лака и отлакировали деревяшки так, что они приняли магазинный вид. Хан очень гордился своим биндяком и, как всякий мелкий начальник, на разборки любил вызывать зеков приглашением в «кабинет».

Не чуя под собой ног, Босой подошёл к открытой двери каптёрки смотрящего. Хан обедал. Лакированный журнальный столик был застелен цветастой клеёнкой. На тарелке в центре лежал аккуратно нарезанный хлеб. Шныри имели небольшой огородик и смотрящему на завтрак, обед и ужин делали салаты из свежих овощей. На кухне в бараке специально для Хана держали керамические тарелки и столовые приборы из нержавеющей стали. Никаких мисок и алюминиевых ложек. Западло. Вместе с Ханом завтракали его ближайшие друзья-товарищи. Семейка. Не поднимая головы от тарелки, Хан, медленно пережёвывая пищу, сказал:

– Босой, ты у нас смотришь за шнырями? Или я?

– Я смотрю, – ответил Босой, не понимая, к чему клонит смотрящий.

– Тогда слушай. У нас в бараке крыса завелась! Ночью из каптёрки пропали пять банок тушёнки, полкило дрожжей и почти два кило сахара. Брагу хотели поставить для братвы. К празднику. Исчезла тушёнка вместе с сахаром. Умыл нас кто-то. Крыса завелась. – Хан проглотил кусок хлеба с салатом и продолжил, также не поднимая головы. – Что, Босой, с крысой делают?

– Режут, – ответил Босой и судорожно сглотнул.

– Правильно, Босой! Режут! Так вот, поди и разберись со своими шнырями. Кто взял и где продукты. Даю тебе полчаса. Как мы покушаем, так ты мне всё, что я перечислил, и принесёшь. Если не принесёшь, то по бараку, с согласия братвы, конечно, проведём шмон. У кого найдём, того и приговорим. Только резать не будем. До хрена делов. Мы крысу забьём табуретками. Как гада, чтобы руки об него не марать.... Понял, Босой?

– Понял, – устало ответил Босой и пошёл в барак, не дожидаясь, когда пошлют.

Такое бывало и раньше. В лагере было голодно. Если нет подогрева с воли, совсем беда. На одной баланде прожить сложно. Особенно молодому организму. Не выдержит чьё-нибудь чрево. Страсть набить пустой желудок победит разум, и тогда зек пропал. Стоит только раз залезть в тумбочку к соседу за жратвой и ночью втихаря набить свое пузо, как пропал человек. Никогда не остановится. Так и будет потихоньку лазить по тумбочкам в поисках съестного. Будет говорить себе и успокаивать себя, что в последний раз, но нет. Не остановится. Не остановится, хотя знает, что ждёт его страшная расплата. Если поймают, конечно.... Удивительное создание человек. Живёт одной секундой. На вторую секунду не загадывает и не думает о ней. Слаб человек. Слаб...

В бараке запахло тревогой. Зеки притихли. Замолкли особо разговорчивые. Тем, кому делать нечего, постарались незаметно исчезнуть. Кому охота попасть «под замес». Гнетущая тишина напугала Босого. «Ещё чего не хватало», – подумал он, судорожно стараясь вспомнить своих подопечных. Вспомнить поведение каждого, их глаза и разговоры. Босой искал зацепку. Кто? – главный вопрос. Хан шутить не станет. Всё одно будет спрос. С кого? Об этом нетрудно догадаться. Конечно, с него. Шныри у него в подчинении. На мужиков никто не подумает. Мужики пришли с работы, упали на нары и до утра их пушкой не разбудишь. Так устают на пилораме. Нет, только шныри. Кто-то из тех молодых парней, которые пришли в лагерь недавно и ещё не совсем прижились в коллективе, не приучили свои желудки к тюремной баланде, не получили настоящего страха. Такого страха, что душа леденеет, а из задницы самопроизвольно выходят испражнения, как перед смертью... Босой наизнанку вывернул мозги, но ничего не вспомнил и ни на кого не подумал. Сам виноват. Последнее время больше думал о своих проблемах, а не

о том, как воспитывать молодежь и присматривать за порядком в бараке. Теперь огребёт на орехи – мама не горюй! Так ещё напасть – голос начал приходиться с утра. Босой остановился посреди барака. В голову пришла неожиданная мысль:

– А если Он все-таки есть, Бог этот?! Может, он мне своего посланника послал? Вроде знака какого. А я не понял. Он опять мне сигнал шлёт. С утра неприятности.

Босой тряхнул головой, прогнав наваждение, и быстрым шагом прошёл в небольшое помещение, переоборудованное шнырями в кухню. Шныри были на месте. Все до одного. Босой насупил брови, встал посередине комнаты и заговорил как можно серьёзнее. Голос в одно мгновение охрип. Из горла вылетел негромкий крик:

– Допрыгались, сопляки! Быстро говорите: кто, что видел. Крыса завелась. Её не выкурить сразу. Эта тварь поганая будет таскать из тумбочек всё, что попадётся под руку, пока мы её не поймаем. Я такое уже проходил. Поймать надо крысу и руки отрубить. Пока нам не отрубили. Хан злющий, как собака. Кинули блаткомитет на жратву и брагу. Вы же знаете, как тяжело «ноги» носят в зону запрет. Вы, бездельники, вечно бродите по бараку. Кто что видел? Говорите быстро! Хан дал полчаса.

Зеки стояли вдоль стенки и молчали. Они опустили головы и переминались с ноги на ногу.

– Ну...! Чего молчите? Кто? Не может быть, чтобы крысу никто не видел. Может, намёк какой? Может, кто чувствует что-нибудь за собой? Говорите, бараны! С нас спрос. Кроме шнырей в бараке никого не бывает. Мужики на работе, приходят только поспать и обратно... Некому лазать по тумбочкам в бараке! Кроме вас! Понятно или нет?

Не слыша и не видя реакции слушателей, Босой перешёл на шёпот:

– Если кто хочет добровольно сдать ворованное, то пусть подкинет куда может. Ближе к продолу. Найдём продукты, я замну тему, говно вопрос, а там видно будет. Бывает. Может, кто духом слаб. Лучше вернуть чужое. Это на воле воровать честь, а за решёткой красть у своих – тяжкий грех. За это самое малое побьют, а не то спишут «в угол». Трахнут в задницу отрядом, вот тогда кричи караул. Как жить?

Время летело с невиданной скоростью. У Босого от нервного перенапряжения враз заболела голова. Не пойман – не вор. Если не найдут крысу, то с него получат за ненадлежащее отношение к общему. Выведут в умывальник и разобьют рожу. Это ещё что. Ну, пару раз въедут в челюсть. Бывает. Главное не в этом. Главное, что он не справился со своими обязанностями. За такой поступок его отстранят от кухни. Выгонят из плотницкого биндюка, а это конец размеренной жизни. Относительно и сытой, и спокойной. Придётся идти в уборщики. Или подметать и убирать в цехах и на пилорамах, или мыть полы в бараке. Скорее всего, в бараке не оставят. Выгонят уборщиком на промку, а там – тоска. Ни пожрать, ни подработать, ни чифирнуть. Голод и холод. Работа самая плохая, самая чумазая и нелюбимая на зоне. Если это случится, то у Босого появится шанс не дожить до освобождения. Сидеть-то ещё прилично. Как чугунному котелку. Босой обвёл взглядом стоящих на кухне шнырей. Он правильно понял их молчание. Хватит разговоров. Все всё понимают. Босой решил распустить своих подопечных. Он посмотрел на часы и понял, что разговорами и угрозами не подействовать. Времени не осталось. Одна надежда. Надежда на то, что у воришки хватит мозгов подкинуть пакет с продуктами.

– Пробежитесь по бараку. Посмотрите, что и как – сказал Босой. Сказал он ради формы. Лишь бы что-то сказать. Ситуация утекала из-под контроля. Оставалось надеяться на удачу. Или на Бога. Босой проводил глазами шнырей и остался на кухне один. Он подошёл к закопчённому оконному стеклу и с тоской посмотрел на улицу.

– Господи, – вырвалось у него из груди. – Отведи, Господи, от меня напасти. Помоги, Господи...

Босой не знал молитв и не умел молиться. Он верил земному и жил земным. То, что на небесах есть ещё какая-то жизнь и какие-то святые вместе с Богом, мало волновало его, но сейчас небесная помощь была бы не лишней.

Полчаса прошло в одно мгновение. Босой, как и шныри, бесцельно бродил по бараку. Ждать, что найдутся пропавшие продукты, было бессмысленно, а искать их по бараку бесполезно. Самым действенным был бы обыск тумбочек и каптёрки, но разрешение на этот шаг блатные не дали. Куда ни кинь, всюду клин. Наконец, в коридоре барака послышался топот множества ног. У многих зеков из блатных кирзовые сапоги были подкованы, и Босой отчетливо услышал их характерный цокот. Впереди процессии шёл Хан. Лицо его было искорежено ненавистью и злобой. Он направо и налево начал отдавать приказы своим подручным, и вскоре весь барак стал походять на вещевой рынок.

С особенным удовольствием блатные выворачивали наизнанку тумбочки, копались под матрасами и внутри них. Приятно наводить бардак, когда тебе за это ничего не будет. Когда ты делаешь благородное дело, ищешь крысу и заодно получаешь удовольствие, разворачивая чужие вещи. Как чужую жизнь. В лагерях это любят. Устанавливать законы и решать людские судьбы. Воровские законы и понятия не прописаны ни в каких талмудах. Каждый блатной, имеющий «портфель», устанавливал в лагере свои порядки, придерживаясь общих воровских законов, как понимал и трактовал их сам. Отсюда по зонам творился разный беспредел. Бороться с этим беспределом было практически бесполезно. Блатные каждое свое действие оправдывали, как хотели. Выворачивая суть воровских понятий наизнанку. Как тумбочки в бараке. Шмонали с двух сторон. Босой видел, как зеки увлечённо ворошили чужие вещи и громко смеялись. Он сдерживал глухие удары своего сердца. Нет, он не был крысой. Он не брал

чужих вещей и ему незачем было переживать, но если в бараке найдут пропавшие продукты питания, ему несдобровать.

– Есть! – взвизгнул чей-то голос. – Нашё-ёл!

Босой вздрогнул. Он посмотрел в сторону крика и внутри у него похолодело. Толпа возбужденных зеков собралась в его проходняке*. От предчувствия беды на его лбу выступила испарина.

– Чья тумбочка?! – заорал Хан на весь барак.

– Босого... Босого тумбочка, – безжалостного подсказал кто-то Хану. Тот выпучил глаза и взглядом нашёл Босого. Босой побледнел. Кровь отхлынула от его лица. Лихорадочно проворачивая в голове мысли о том, что же ответить братве, Босой медленно подошёл по продолу к своему проходняку и застыл в оцепенении перед предвещающим несчастье лицом смотрящего за барак. Он не знал, что сказать Хану. В бараке повисла гнетущая тишина. Услужливые руки вытащили из его нижней тумбочки небольшой пакет с сахаром и одну банку тушёнки.

– Что скажешь, Босой? – спросил его Хан.

Босой чуть помедлил, но все же собрался с силами и начал говорить в своё оправдание:

– Не брал я этих вещей. Прокладон это. Галимый прокладон. Пойми, Хан, зачем мне держать продукты в тумбочке, если я их ночью утащил из каптёрки? Если бы сожрал – другое дело. Увидел бы кто или как. А так я думаю, завелся у меня враг. Этот враг и есть крыса. Он подкинул мне в тумбочку тушёнку с сахаром и думает, что спросят с меня, как с крысы. Сам понимаешь, на моём месте может оказаться каждый.

Вокруг зашумели. Толпа зеков в одно мгновение разделилась наполовину. Одни кричали, что крыса, пойманная с поличным, ищет лазейку, чтобы уйти от ответственности, а другие сомневались в этом и требовали более тщательной разборки. Слова Босого о том, что каждый может оказаться на его месте, произвели впечатление. Получается, что таким образом можно подставить любого зека, проживающего в бараке. Подкинул своему соседу незаметно в тумбочку банку тушёнки и – привет горячий!

– Действительно, Хан, – сказал Серега Росляков, с которым Босой вместе приехал в лагерь и одно время спал рядом. – Посмотре-еть надо. Если не схватили за руку, то братва и мужики должны посмотреть на человека. По образу жизни, по его поведению. С кондачка решать такие дела нельзя. А вдруг точно, какая-то мразь подкинула парню тушёнку. Мы ему сейчас хребет сломаем, а он не крыса. Не брал чужие вещи... и как с этим быть?

От реплики Сереги Рослякова в бараке притихли. Зеки уже не так воинственно смотрели на Босого. Кое-кто даже переменял взгляд с ненавидящего на жалеющий.

– Согласен, – неожиданно быстро согласился Хан. – Надо смотреть по образу жизни. Не водилось за Босым ничего подобного. Я давно за ним наблюдаю. Он хоть и недавно у нас в бараке, но человек взрослый, старательный и разумный. Я обращаюсь ко всем стоящим здесь, рядом со мной. Кто может сказать за Босого? Кто может подтвердить, что видел его, как он грыз нашу тушёнку или размешивал в кружке чай с сахаром? Если видели и знаете, то говорите смело, не бойтесь. Спросим с Босого, как с «понимающего». Если в бараке не найдётся человека, который может обвинить Босого в крысячестве, то оставим человека в покое. Будем считать, что кто-то подмутил под него и хочет его сожрать.

– Я скажу! – крикнул туберкулёзник Вовка, сосед Босого, спящий под ним, на нижней шконке. – Босой каждый день в пять утра жрёт что-то на своем шконаре. Я сплю плохо. От кашля постоянно просыпаюсь и давно заметил за ним такое. Сегодня, например, пришлось его даже успокаивать. Жрёт утром, сволочь, и ещё разговаривает сам с собой. Я сначала не понял. А теперь всё ясно мне стало. Крыса это.

Босому стало плохо. Подставили его круто, но кто? Кому он нужен? Зекам, живущим вокруг него, он ничего плохого не делал. В душу не лез, операм не стучал. Жил сам по себе. В зоне свои законы. Главное – не мешай жить вокруг себя. У всех сроки, всем плохо. Живи,

молчи да радуйся, что жив пока. Он так и делал. Туберкулёзник Вовка во врагах у него не ходил и зла ему никогда не желал. С чего он вдруг налетел на Босого? Толпа сменила настроение и уже десятки глаз, налитых ненавистью, устремились к горлу Босого. Он почувствовал на себе недобрый взгляд толпы и понял, что если что-то не предпримет, то зеки просто разорвут его на части.

– Точно, он и в столовой перестал баланду жрать! – добавил к сказанному шнырь Копейка. – И сахар я у него видел.... Точно видел, вроде, сахар был.

– Ты, Копейка, давай без «вроде». Вроде Володя, а манеры Кузьмы! Говори, как есть, с толком. Без сомнения. А то – «вроде»....

Слова Сергея Рослякова приостановили решение Хана. Тот поднял было руку и хотел крикнуть: «Дави крысу!», но остановился и внимательно посмотрел на Босого. Удивительно, но взгляд Хана изменился. Хан засомневался в словах Копейки, а Босой бесился от негодования. Он не брал чужих вещей, но бессилён был убедить в этом окружающих. Босой хотел рассказать о Голосе, который приходит к нему каждое утро и разговаривает с ним. Он много чего хотел сказать, видя такую несправедливость по отношению к себе. Босой увидел лукавый взгляд шныря Копейки и понял, что именно по его инициативе, а, возможно, и с его подачи разгорелся против него сыр-бор. Что, возможно, Копейка и есть та самая крыса, которая «увела» у блатных продукты питания. Только не было слов у Босого. Камень встал в горле, мешая языку говорить правду. Он только прохрипел чуть слышно прямо в лицо Хану:

– Богом клянусь, не брал!

В бараке повисла тревожная тишина. Все ждали решения Хана. Он смотрящий за баракком, ему и решение принимать. Хотя и так все ясно. Если Хан объявит Босого крысой, то немедленно, прямо в проходняке, порвут его на части десятки крепких рук. Если нет, то жить Босому всё равно не долго. Однажды ночью накроют ему рот подушкой и удавят во сне. Крыса не выживет в бараке. Нет ей оправдания.

Всё уже круг зеков. Всё теснее подбираются они к Босому, жадно потирая руки от нетерпения. От предчувствия чужой боли. Босой всё понял. Надежды на спасение ноль. Он поднял глаза к грязному чёрному потолку барака и вдруг увидел себя в той самой квартире, в которой он хлестал железной монтировкой мёртвое тело девушки. Картина преступления была такой живой и явственной, что он даже ощутил на своей щеке брызги теплой человеческой крови. Мысль пришла сама собой: «Всё, Босой. Конец тебе. Вот и наступила расплата за смерть невинных женщин».

Хан молчал, будто ждал чего то. Сомнения терзали его душу. Как только он услышал голос шныря Копейки, как только он увидел его подлые глаза, бегающие по кругу от страха, то сразу понял: Босой тут ни при чем. Скорее всего, Копейка и есть та самая крыса, которая слямзила из каптёрки продукты. Но как докажешь? Дело с разборками зашло так далеко, что отступить Хану было нельзя. Свидетели налицо, и решение принимать всё равно придётся. У него у самого врагов хватает. Милосердие и жалость в зоне не в чести. Смотрящий должен править железной рукой. Иначе конец. Самого приговорят. Найдут способ.

Круг зеков вокруг Босого становился все уже. Хан с сочувствием посмотрел на Босого и решил, что своя шкура ближе к телу. Он открыл рот и вдруг замер на полуслове. Старческий слабенький голос отчётливо проскрипел в тишине:

– Не брал Босой тушёнки с сахаром. Это Копейка взял. Вчера ночью. Я видел. Знаю, куда спрятал. В биндяке слесарном у Ромы, его земляка. Сахар подкинул Босому, чтобы на него не подумали. Если не верите, то пусть покажет карманы. У него и сейчас в кармане лепня*, сахар в газету завёрнутый лежит.

Зеки открыли рты от неожиданного поворота события и вытаращили глаза на Копейку.

– Карманы выверни, – заорал во всю глотку Хан.

Копейка замотал головой и испуганно крикнул:

– Это не я. Я не дам себя шмонать. Вы чё, менты? Шмонать меня будете?!

– Помогите ему, – уверенно сказал Хан.

Трое его подручных в одно мгновение содрали лепень с плеч Копейки и тут же вывернули карманы. На серые некрашенные половые доски барака из кармана лепня выпал газетный сверток. Хан поднял его с пола и развернул. В нём на свету заиграли таинственным светом крупинки сахарного песка. Зеки не ожидали такого поворота событий. Со всех сторон послышались матерные возгласы:

– Ах ты, гад ползучий! Мразь... сволочь... давить таких надо.

– Крыса! – крикнул Хан и показал рукой на бледного, как смерть, Копейку. Жадные до крови руки потянулись к горлу почти мёртвого от страха парня.

Зеки отошли от Босого и окружили Копейку. Они схватили его за руки и потащили в умывальник. В бараке остались только Хан и Босой.

– Извини, брат, – сказал Хан и похлопал по плечу Босого. – Всё в жизни бывает. Главное, как в кино, чтобы концовка была хорошая. Она у тебя просто отличная. Давай, дружище, живи – не кашляй, на меня зла не держи. Тому старику в ноги поклонись. Он тебя от смерти спас. Я тоже сомневался, что ты крыса, но дело такое.... Зеки – народ не простой. Думаешь, мне легко человеческую судьбу решать?

Босой промолчал. У него не было сил говорить. Он кивнул смотрящему и молча полез на свою шконку. Отдохнуть. Устал.

Босой долго искал старика, но так и не нашёл. Кто-то его видел в бараке, раз или два. Кто-то говорил, что он освободился на следующий день. Только через три дня Босой написал письмо на волю. С одной просьбой – прислать ему православный крестик и Псалтирь.

Овраг

Иметь основание себя уважать – согласиться, это тоже немало.

Планета Земля крутится не так, как раньше. От того и изменилась природа. Предсказать погоду стало практически невозможно. Метеорологи говорят одно, за окном другое, а прогноз погоды на три дня вперёд можно смело выбрасывать в корзину.

На охоту выехали засветло. Пётр Петрович Самсонов вроде всё предусмотрел. Не в первый раз едут. В его «уазике», кроме шофера Саньки, расположились ещё два его друга детства: Фомин Коля, сварщик с инструментального завода, и прораб строительного управления Василий Душев.

Медвежья охота требует большого опыта и сноровки. Пётр Петрович Самсонов не стал рисковать. Выкупив лицензию на отстрел медведя-шатуна, он собрал свою проверенную охотничью бригаду. Должность позволяла: как ни крути с этой новой жизнью, а директор автобазы в районе – большой человек. Цивилизация их края обошла стороной. За годы перестройки в глухих местах Алтая мало что изменилось. Это там, в центре, в Москве да Санкт-Петербурге, по столичным городам губерний бурлила новая жизнь, а в провинции было тихо. Изменения коснулись лишь торговли. Вместо райпо повсеместно, как грибы после дождя, выросли маленькие магазинчики с разными заграничными штучками в виде «сникерсов» и жвачки. Смешно, что названия у всех были иностранные – супермаркет. Как полагал Пётр Петрович, заграничный яркий товар в основном был отвратительного качества, часто просроченный, и на Западе его выбросили бы на свалку, но нет. Увезли в Россию. Здесь, в глубинке, дикие россияне всё слопают. В остальном привычный уклад жизни района не изменился. Формально крестьяне получили землю с собственностью, паи, но ненадолго. При хроническом отсутствии финансирования из области колхозы развалились, а фермеров из крестьян советского пошиба не получились. В посёлке почти не осталось прибыльных предприятий, и автотранспортное хозяйство Самсонова процветало назло всем. Автотранспорт шёл нарасхват, что при таких размерах области несколько не удивительно. От того, что предприятие имело плюсовой баланс, оно и налогов в бюджеты всех уровней платило больше всех в посёлке. Отсюда и уважение местной власти, и привилегированное положение директора. Всё схвачено. Все свои – от начальника милиции и прокурора до главы местной администрации. У кого деньги, тот и пан. Всех больше денег было у автотранспортного предприятия. Значит, и негласным хозяином этих мест был Пётр Петрович Самсонов...

Хозяин района должен соответственно себя вести. Хочешь не хочешь, а корчи из себя пана. Иначе простой люд не поймёт. Заподозрят что-то неладное. В их понимании, если ты начальник, то соответствуй. Голос, походка, манеры... Народ это любит и за это уважает. Некоторые даже шапку снимают при виде Петра Петровича, как при царском режиме. Поначалу Пётр Петрович Самсонов недовольно морщился от знаков уважения людишек, а потом привык. Ну, их к ляду! Значит, так оно и надо.

«Уазик» тряхнуло на ледяной кочке. Пётр Петрович Самсонов больно ударился о стойку двери.

– Ты что же, дрова везешь? – испуганно вскрикнул Вася Душев и покосился на хозяина. Тот потёр ушибленное место ладонью и ничего не сказал. Шофер Санька виновато посмотрел на начальника автобазы и пожал плечами.

– Дороги, тудыт, гони налево! Не угадать. Сейчас ещё хуже будет. Из посёлка выедем, там только держись. Снегу нынче намело много. Дороги не чистят. Соляры нет.

– Ладно, рассусоливать-то! – Одёрнул шофёра Пётр Петрович Самсонов. – За дорогой гляди, умник.

Санька крутанул баранку влево, и «уазик» подкинуло ещё круче. Пассажиры были наготове. Никто больше не пострадал.

До тайги ехать недолго. Прямо за околицей посёлка начинается лес. Тонкая полоска расвета позволяла разглядеть засыпанные почти по крышу дома, редкие деревья, – в основном голые берёзы, – и сизые струйки дыма из печных труб. Привычная картина. Газ в районе обещали протянуть к 2020-му году. «Уазик» зыркал фарами по чёрной колее дороги, вырывая из темноты только бугры да ямы.

Пётр Петрович Самсонов ехал на охоту всерьёз. Не наугад. Человек он был основательный и любил всё предусмотреть и предвидеть. Охотник нынче пошёл не тот. По советским временам ещё водились в тайге отличные охотники. Перестройка уничтожила сноровистых таёжных мужиков как класс. Народ спился. До белой горячки. Как говорят: «До белых коней». Кремль забыл о простых людях. До того перестроился у себя в кабинетах, что когда спохватились, – только руками развели. В таёжных деревнях водка выкосила население, как косой. Кто смог, уехал в район или куда подальше в город, но и там работы нет. Значит, нет жизни. Если «нет жизни», русский мужик в один миг превращается в философа. Практически Аристотеля. Наливает гранёный стакан и пускается в длинные рассуждения о своей горькой доле крестьянина и врагах доброго царя, которому бояре, сволочи, не дают обратить внимание на простой русский народ.

Нет, не к таким охотникам ехал охотиться на медведя один из лучших руководителей района. Пётр Петрович Самсонов давно жил возле тайги. Остались ещё настоящие охотники. Староверы. Они не пили и не курили. Работали до седьмого пота, вырывая у тайги средства к существованию. Этих людей не тронули ни перестройка, ни цивилизация. Староверы берегли свою чистоту. Телевизоров не смотрели, газет не выписывали и от государства ничего не требовали. Даже пенсии. Жили они единой дружной семьёй. Старшие учили младших, а дети берегли старость родителей. Исторически так сложилось, что староверы, спасаясь от преследования российской церкви, забились в глухие таёжные места. В чём разница между староверами и обыкновенными христианами, Пётр Петрович Самсонов не понимал, да и не хотел понимать. В Бога он верил по-своему. Он не признавал посредников между Богом и своей душой, считая, что посредники в виде попов являются такими же людьми, как и он, а, значит, грешниками. Каяться перед грешником или исповедоваться ему, раскрывая свой мир, не было никакой нужды. Пётр Петрович Самсонов сам себе батюшка.

Много времени прошло с тех пор, как загнали староверов в самую что ни на есть глухомань-тайгу... Колхозы вплотную подобралась к поселениям староверов. Проклиная наступление новых безбожников – коммунистов, община староверов, скорее всего, постановила бы уйти ещё глубже в лес, но естественная преграда защитила поселение староверов от колхоза «Светлый луч Владимира Ильича Ленина». Овраг. Огромный, каждый год увеличивающийся овраг разрезал небольшую долину в речке Андорке ровно наполовину. Овраг был таким глубоким, что не каждый взрослый и сильный мужчина мог преодолеть его, не сорвавшись со скользких глиняных боков. Иногда мальчишки на спор проникали на территорию староверов, но это случалось редко. Обратное, к себе в деревню, через овраг храбрецы возвращаться не решались. Чумазые от грязи, они вприпрыжку бежали семь верст, огибая естественную преграду. Староверы тем более не пересекали овраг. Ни зимой, ни летом. Они работали. Создавали свой мир и свой достаток. В райцентр ездили редко, только по большой нужде. В районную больницу и то не возили больных. Обходились своими лекарствами. В тайге собирали разные травы, сушили их, делали настои. От всех болезней можно травами излечиться. Земля-матушка плохой травы не родит. Знать только надо. Знать и ещё любить. Если травы не помогали, и заболевание вылечить своими силами не удавалось, староверы молились за скорую и легкую смерть, разумно полагая, что жизнь человеческая в руках Божьих.

Когда перестройка набрала ход, Пётр Петрович Самсонов, страстный охотник, с ужасом ощутил на себе её результаты. Пришлось идти на поклон к староверам – единственному оплоту трезвости на бескрайних просторах тайги-матушки. По осеннему бездорожью продрался он сквозь разбухшую от дождей дорогу и нашёл в деревне настоящего охотника – Титыча. Титыч был мужик ещё не старый и необыкновенно крепкий. С огромной окладистой бородой, большими жилистыми руками, он был похож на русского богатыря из сказок. Двухметрового роста, Титыч легко ворочал огромные брёвна и в тайге был незаменимым товарищем. Тайгу он любил и знал, как свои пять пальцев. Вся деревня староверов молилась на него. Титыч умел всё. Добыть мяса в тайге и кедровых орехов наколотить, помочь срубить пятистенок или баньку. Про таких говорят: «На все руки мастер». Особенно Титыч любил медвежью охоту. Вся охотничья округа, включая районного охотоведа, знала, что Титыч медведя любит и уважает. Зря убить не даст. Браконьеров не пустит в тайгу, а если встретит, то поломаёт ружья и накостыляет так, что в следующий раз человек сто раз подумает, прежде чем идти в тайгу к Титычу «по медведю».

Пётр Петрович Самсонов как-то сразу сошёлся с Титычем. Только посмотрели они в глаза друг другу, так всё друг про дружку и поняли. Настоящий охотник, он своего брата чует за версту, а тут – глаза в глаза. Титыч при первой встрече много говорить не стал. Пригласил в дом, накормил, напоил и спать уложил. Какой хороший хозяин отпустит гостей из дома на ночь глядя?

Петру Петровичу Самсонову нравился Титыч своей молчаливой серьёзностью и солидностью. Как только Пётр Петрович Самсонов вошёл во двор к Титычу, так про себя сразу отметил: «Знать, живёт настоящий хозяин!». Всё вокруг было сделано добротню, на совесть. Пол из строганной доски-пятидесятки. Пятистенок был срублен из огромных корабельных сосен, толщиной почти в обхват. В таком доме никакие морозы не страшны. Сарай и гумно, опять же, срублены топором на славу. Руками, росшими откуда надо. Бревно крепкое, плотное, правда, чуть меньших размеров. Даже тротуарчики во дворе Титыч смастерил из приличной доски. В туфлях на каблуке ходить можно, не то что в валенках или галошах. Одним словом, хозяином Титыч был отменным, ну, соответственно, и охотником, что надо.

Семья у Титыча была большая. Про такие семьи говорят: «Семеро по лавкам». Детей, правда, было у него не семь, а девять. Пять девчонок и четверо сыновей. Старший сын Прокопий – копия Титыч, только молодой, безусый и, наверное, оттого весёлый и игривый. Девки родились тоже под стать отцу. Крепкие в костях и в тазу. Такие бабы в доме всю работу делают. Скромницы, глаза не поднимут.

Любил приезжать Пётр Петрович к староверам. В их семье царил та высоконравственная атмосфера русской семьи, которую днём с огнём не найти на просторах страны. Ехал Пётр Петрович на охоту не с пустыми руками. Охота на медведя – это вам не шутка. Он собирался загодя и брал с собою в подарок Титычуза берлогу – боеприпасы и разные охотничьи принадлежности. Ещё мешок муки, соль, пять килограммов сахара, спички и мелкие подарки детишкам, игрушки разные. На этот раз прихватил с собою подарок и для старшего сына. Настоящий охотничий нож. Появился у Петра Петровича Самсонова специалист по охотничьим ножам. Наконец-то устроился к нему на работу в автоколонну парень с золотыми руками. Ножи охотничьи мастерит на загляденье. Титыч к подаркам относился недоверчиво. Подарки брал только после долгих уговоров, но от ножа для сына не откажется, это точно. Нож для охотника, что поток чистого воздуха для заморённого человека. Если возьмет в руки, дышит не надышится. Без ножа в тайге смерть. Не выжить. Отсюда и уважение и любовь.

Рассвело... Пётр Петрович встряхнул голову и посмотрел в замерзшее окно уазика.

– Пётр Петрович, – тревожно сказал водитель Санька. – Метель начинается. Смотри, как сыпет. До деревни недалеко, да и по тайге метель незаметна, а выедем на опушку.... Боюсь не проедем. Снег высокий, метёт, спасу нет.

– Ничего, – ответил Пётр Петрович и поёрзал на сиденье. – Если что – до Титыча дойдём пешком. Машину после откопаем, а охоту срывать не дам. Титыч берлогу подготовил. По мне хоть неделю сидеть, а медвежье ухо я у себя на ковёр в зале повешу. Понял, Санька? – добавил он громче обычного, как бы объясняя сразу всем своим попутчикам свое решение.

Попутчики закивали головой в знак согласия. А чего горевать? С начальником едут. Он старший, он умный. Он знает, что и как! Не впервой, да и к людям едут, не к медведям. Придут, не оставят ночевать в лесу. В машине стало жарко. Двигатель уазика рычал и визжал, но машина упрямо карабкалась по лесной дороге. Машина, конечно, корявая, но проходимости необыкновенной. В России этого достаточно, не до буржуйских тонкостей, компьютеров разных, – тепличных условий практически. В «уазике» щели с ладонь, зато вентиляции не надо. Лишь бы везла машина. По такой дороге это проблематично, но потому Пётр Петрович и брал с собою на охоту водителем Саньку. У того был настоящий водительский талант. Бывало и более опытный шофер, который тридцать лет баранку крутит, а случись пурга или ливень осенний, буксует. Санька же будто срастается с машиной, будто он и есть четыре колеса и двигатель. Что-то нашепчет, вцепится в баранку и, кряхтя вместе с машиной, вылезает из любого болота. Такие парни большая редкость. По крайней мере, Пётр Петрович за свою жизнь более талантливую шофёра не встречал. Хотя Санька оболтус и бабник, но это кому как на роду написано.

Снег валил всё гуще и гуще. Пётр Петрович Самсонов тревожно всматривался в тонкий желоб дороги. Колея терялась в снегу, и машине всё сложнее было разгрести его колесами. Электронные часы пикнули одиннадцать часов. Наконец, впереди посветлел горизонт и «уазик», фыркая, выскочил на опушку. От неё до деревни староверов почти пять километров. Санька бросил машину влево, затем резко вывернул руль вправо и только этим маневром спас «уазик» от попадания в сугроб, из которого не вылезти до вечера. Снег немного утих. Пётр Петрович Самсонов потрогал возле сидения сапёрную лопатку и почти приготовился к выходу. «Уазик» двигался, как черепаха. Два моста тащили машину, утопавшую в снегу почти по верхнее крыло, по белой целине. Санька даже вспотел от напряжения. Он вытирал пот со лба, упрямо ворочая баранкой. Удивительно, но «уазик» тащился вперёд, метр за метром раздирая снежные сугробы и оставляя после себя глубокую колею.

– Молодец, – похвалил водителя Пётр Петрович Самсонов. – Ты, Санька, если что, не горюй. Тормози, – откопаем или бросим.

– Нет, Пётр Петрович, пробьёмся. Снег не такой глубокий, как я думал. По такому снегу пройдем. До пурги мороз землю взял. Кочки нас и вытянут. С кочки на кочку попрыгаем и перескочим опушку, а в тайге снега ещё немного. Иначе не прошли бы сразу. Ещё утром, за посёлком, в балке встали бы!

Санька не обманул. Несколько раз Пётр Петрович брался рукой за сапёрную лопату, думая, что машина встала, но удивительным образом Санька выкручивал баранку, и «уазик» выбирался из очередной снежной ямы. Наконец, к двум часам пополудни в окне машины мелькнули первые дома деревни староверов.

– Уф-ф! – вырвалось у Саньки. – Кажись, приехали.

В салоне загалдели, наперебой расхваливая водителя.

– Молодец, Саня! Настоящий водила! Мы думали: хана, раскапывать придётся!

Санька скромно улыбнулся и промолчал, но Пётр Петрович оценил его скромность. Он дружески хлопнул его по коленке и тихо сказал:

– Восхищаюсь тобой, Санька! Молодец. Настоящий ас. С большой буквы!

К дому Титыча подкатили с ветерком. Деревня староверов стояла на самом яру, и снег не сильно задерживался на верхотуре. Пётр Петрович любил подъезжать к ней со стороны тайги. Рябиновка выделялась из всех деревень, виданных начальником автопредприятия (поездил он по области достаточно). Каждый дом у староверов был выкрашен в свой цвет. Раскрашенные цветами и голубями ворота и калитки, резные наличники и узорчатые ставни окон, делали

облик каждого дома неповторимым. Не зря называли деревню Рябиновкой. По осени окрашивалась она в ярко-огненные цвета. Яркие плоды и листья рябины разукрашивали улицы в цвета осени. Деревушка будто утопала в разноцветье. Красивое место для жизни выбрали люди.

Ветер гнал поземку вниз, в овраг и от того улица была почти без снега. «Уазик», весело урча, катил вдоль крепких домой староверов, словно радуясь, что проскочили они такую снежную кутерьму.

Титыч ждал. Он стоял возле дубовых двустворчатых ворот в теплом зипуне из овчины и, приложив меховую рукавицу к глазам, всматривался сквозь пургу. Когда машина подъехала почти к самым воротам, Титыч встрепенулся. Он до конца не верил, что «уазик» пробьется сквозь снег до деревни, а увидев знакомые номера, быстро откинул деревянный брус и открыл дубовые створы ворот. Автомобиль, не снижая скорости, лихо влетел во двор дома и с шиком остановился возле самого крыльца, надрывно скрипя тормозами. От резкого торможения пассажиров кинуло вперед, и Пётр Петрович незлобно выругал Саньку.

– Ну, охламон ты, Санька, ну, чистой воды охламон. Дрова, небось, аккуратнее везешь, чем своего начальника!

Пётр Петрович вылез из машины и обнялся с Титычем как со старым приятелем, троекратно расцеловавшись в губы.

– С приездом, Петрович, – поздоровался Титыч и крикнул остальным: Давайте в дом, а я вас заждался. Какая, думаю, охота? Пурга на дворе. Все заметёт к ночи. Ни туда, ни сюда. Думал, не пробьетесь по снегу-то!

Санька начал весело рассказывать, как они продирались сквозь пургу, утопая в снегу по крышу, и одновременно открывал багажник. Он свое дело знал четко. Школа. Машину разгрузили в один миг. Охотничье снаряжение оставили в снях, в кладовке, а сами прошли в дом. Титыч при его огромном росте бегал и сутился как мальчишка. Он радостно похлопывал руками от удовольствия. Восхищенно поглядывая на Саньку, он, однако не преминул ему заметить:

– По девчонкам моим глазами не стрелять. Они не вашего бесовского воспитания. Они верующие, а ты, шалопай, всё глазами стреляешь. Смуцаешь моих девчонок. Морда твоя охальничья.

– Да я что? – смеясь, ответил Санька. – Это у меня глаза сами моргают. Как увижу женский облик, так они и моргают.

– Я те моргну, – Титыч хлопнул Саньку по затылку.

– Убедил! – ответил на подзатыльник Санька. Он посмотрел на огромные кулаки Титыча и вздохнул: Чего не сделаешь под давлением грубой физической силы.

Гости и хозяйева дружно рассмеялись. За обеденный стол сели только в три часа дня. В просторной комнате стол занимал большую часть площади. Семья у Титыча большая, соответственно и обеденный стол нужных размеров. Сидеть за столом было одно удовольствие, светло и сухо. Впереди красовались два больших окна, выходящих в чистое поле за околицу. Хозяин, как и положено, сел во главу стола. Справа Титыч посадил дорогого гостя Петра Петровича Самсонова, а по левую руку – старшего сына Прокопия. Остальным членам семьи за столом места не нашлось. Рано ещё. Дочери вместе с матерью, приятной сидящей женщиной накрыли стол и исчезли в боковых дверях дома. Прежде, чем сесть за стол, Титыч перекрестился. Гостей неволить не стал. У каждого своя вера. Уважая законы староверов, Петр Петрович не стал открывать «беленькую». Он подумал, что выпить в самый раз после удачной охоты, а сейчас – только попусту переводить водку. Ни уму, ни сердцу, ни желудку от такой выпивки пользы нет. В большие деревянные миски жена Титыча наложила гостям вареную картошку с мясом. Из подполья достала хрустящую солёную вилоквую капусту (какую любил Пётр Петрович Самсонов), солёные грибочки, солёный арбуз, нарезала толстые куски ароматного пшеничного хлеба собственной выпечки. Гости взяли в руки ложки и принялись есть. Уговаривать никого не при-

шлось. С дороги проголодались до урчания в желудке. Утолив первый голод, Пётр Петрович Самсонов на правах старшего из гостей принялся расспрашивать хозяина о житье-бытье, а, главное, о берлоге. Беседа продолжалась недолго. Неожиданно для многих за окном заиграла веселая гармонь. Разухабистая мелодия ворвалась в пятистенник, несмотря на толстые сосновые бревна и двойного остекления рамы. Пётр Петрович недоуменно взглянул на

хозяина дома. Тот усмехнулся и сказал:

– Не обращайтесь внимания. На Нижней Пустомойке поминки.

– Как поминки? – ещё более удивившись, переспросил Пётр Петрович.

– Да так – поминки. В деревне живут одни нехристи. Ни в Бога, ни в чёрта не верят.

Водку пьют, как оглашенные. Водка кончается – брага подходит. Бражку выпьют, принимаются за денатурат и так до смерти. Вся деревня спилась. Колхоз разорился, техника развалилась и сгнила. Трактора, что остались, продали на металлолом и пропилили всей деревней. Не пашут, не сеют. Только пьют. На полях тайга свои права отбирает. Берёзки в кулак толщиной выросли. Сосенки, кедрач. Не знаю радоваться или горевать. Вроде тайга восстанавливается, а с другой стороны, для чего же мы горбатились, выкорчевывая тайгу? Не пойму, что будет дальше. Одно слово – безбожники.

Пётр Петрович хмыкнул.

– Такая же петрушка и в посёлке. Пьют многие. С главой администрации района не знаем, чем каждодневную пьянку остановить. Будто корень вырвали у мужика. Болтается на ветру – ни прислонить, ни привязать. Ничего не понимает мужик!

– Веры нет. От того и пьют. Без Бога в душе на земле места нет. Вот они изо всех сил земных и стремятся на тот свет. В геенну огненную. Землю родимую не любят. Детей не рожают. Детей не воспитывают, старых не берегут. Откуда что возьмется, коли так жить?! Вот и пьют!

После слов хозяина в комнате наступила тишина.

Пётр Петрович одёрнул оконную занавеску. Сквозь чистое прозрачное двойное стекло он увидел снежную целину, а чуть вдали, внизу за оврагом, небольшие покосившиеся деревенские домишки. Как по заказу перестал идти снег. Утихла пурга, небо посветлело и выглянуло тусклое зимнее солнышко. В его лучах соседняя деревня выглядела удручающе. Деревня староверов стояла на высоте, красуясь крепкими домами и высокими заборами. А колхозные дома стояли в низине. Разделенные глубоким оврагом они составляли два мира. Сверху строения колхоза были как на ладошке. Вот самое большое строение. Наверное, бывшее правление. Напротив него такого же типа дом с высоким козырьком. Клуб. Деревянные постройки износились и постарели. С северной стороны стены подпирались жердями. Покрытые досками крыши давно прохудились и требовали срочного ремонта. Дома жителей деревни выглядели под стать правлению и клубу. Почерневшие от ветра и дождя, давно не крашенные, маленькие, неказистые, с дырявыми крышами и изломанными заборами палисадников. От дома к дому вела лишь узенькая тропка. Дороги не было вовсе. За разухабистым пикированием гармошки Пётр Петрович вдруг услышал залиvistый женский смех. Приглядевшись, он увидел группу женщин, весело шагающую по направлению к окраине деревни. Одеты в овечьи полушубки, с шалями на голове, они шли, весело переговариваясь между собой. Таёжная тишина несла звонкие женские голоса вдоль деревни, по сугробам и оголённым веткам немногочисленных деревьев, и на фоне разрухи это казалось неуместным. Весёлый женский смех. С чего веселье? Каждая женщина тянула за собой на веревке оцинкованное корыто для стирки белья. Корыта стлкнулись между собой, издавая при этом странные металлические звуки.

– Что это у них? – не выдержал Пётр Петрович Самсонов и указал Титычу на стайку веселящихся женщин.

Титыч засмеялся.

– Так это бабы за мужьями идут. Я же вам говорил, вон на краю деревни, дом стоит. Крыша серая и лохматая. В доме том мужик помер. Миронычем кличут. Раньше хороший

плотник был. Мы с ним в тайге несколько раз на делянке встречались. Хороший был мужик. Работящий. Спился да помер. Неделю назад Бог прибрал бедолагу. Первый снег накрыл дорогу на кладбище. Лошаденка в деревне была до сих пор одна. Подохла от бескормицы ещё в августе. На погост увести Мироныча некому и не на чём. До кладбища далеко, километра полтора. Вот мужики и пьют каждый день, поминают покойного. Родственникам, говорят, телеграмму отбили. Ждут, когда кто-нибудь приедет и похоронит мужика. Положили покойника в сени, чтобы не портился, стало быть, на мороз, а сами поминают. Мужики, как напьются вусмерть, так гармошку на улицу выносят и орут дурными голосами. Это знак для жен. Бабы берут корыта для стирки и идут в дом к покойнику. Каждая грузит своего мужика в корыто и веселенько тащит его до дома. Удобно и не тяжело.

Сначала одна бабенка приспособилась своего муженька таким образом домой отвозить. Бабам понравилось. Как, вроде, санки с ребенком тащат. Теперь всякий раз и везут по снегу. Мужики напьются, бабы их грузят в корыта и с песнями бегом домой. Спать. Утром мужики своим ходом доходят до покойника, и поминки начинаются сызнова. Так каждый день. Неделю гуляют. Покойник на морозе, что ему будет!

– Да как же так! Неделю покойник лежит в сених, а его и не собираются хоронить! – возмутился Пётр Петрович Самсонов. – Не по-людски это!

– Дык, безбожники! Им что? Выпить да похмелиться. До остального дела нет.

Титыч отвернулся от окна и принялся доедать горячую картошку с мясом. Санька жалостливо посмотрел в сторону окна и тихо сказал:

– Может, смотаться на «уазике», похоронить?

– Не получится, Санька! – уверенно ответил ему Титыч. – До погоста далеко. Дорогу давно не чистили. Гроб с покойником в «уазик» не влезет. Завсегда в Нижней Пустомойке хоронили на лошадях. Не пройдет твой вездеход. Хоть на двух мостах, хоть на пяти!

– А давай попробуем! – завёлся Санька, услышав из уст Титыча прямое оскорбление его машине, не раз опровергающей сомнения в своей проходимости.

– Да-а, нехорошо это, – подвел итог разговору Пётр Петрович Самсонов. – Думаю, Титыч, не по-божески это. Покойник не виноват, что вокруг него остались уроды.

Предать земле умершего – наш прямой долг. Давай, Титыч, так. У тебя хозяйство справное. Возьмём твою лошадь и прокатимся до Нижней Пустомойки. Лучше утром. Пока мужики не опохмелились до поросычьего визга. Да и схороним мужика. Нехорошо покойника неделю в сених держать. А если родственники не приедут?

– До весны оставят, – грустно сказал Титыч. – Ещё неделю такой пурги, и заметёт погост так, что и не найдёшь под снегом.

– Тем более, – решительным тоном руководящего работника сказал Пётр Петрович Самсонов. – Завтра с утра и поедем. Какая уж тут охота. При покойнике?

– Мартемьяна возьмем, – после некоторого раздумья выдал из себя Титыч, явно недовольный инициативой Петра Петровича Самсонова.

– Пошто?

– Уставщик отпоёт представившегося раба Божьего. Народ за оврагом, хотя в основном неверующий и сильно пьющий, однако крещёный. Если ехать в деревню к покойнику, так хотя бы похоронить по-христиански. Отпоём, как положено. На том свете разберётся Господь!

– Хорошо, – согласился повеселевший Пётр Петрович Самсонов. Идея ему понравилась. «Дело доброе сделать – это по-человечески. Сколько можно покойнику по сеним валяться? Похоронят ли сельчане своего собутыльника, неизвестно», – подумал он, и, видя недовольное лицо Титыча, добавил вслух:

– Что мы, нелюди, что ли, Титыч? Богоугодное дело сделаем, по-любому!

Наутро Титыч запряг свою лошадь в шикарные деревянные сани и позвал Петра Петровича Самсонова. Тот вышел во двор и удивленно хмыкнул. Деревянные сани были расписаны

невиданными птицами и цветами. Неизвестный художник постарался на славу. Сани блестели и переливались цветами радуги. «Произведение искусства», – подумал Пётр Петрович Самсонов и с удовольствием залез в сани. Титыч тронул вожжи, и лошадь послушно пошла медленным шагом. Санька выскочил во двор, прежде чем сани выехали со двора. Титыч увидел водителя и замахал кнутом

– Нечего тебе делать в Пустомойке, Санёк, – крикнул он. – Займись лучше снаряжением. Да ружья почишь. Мы скоро.

Титыч громко чмокнул, и лошадь резво побежала по улице.

Пурга не унималась. Снежные заряды то накрывали безмолвную стену оголенного леса, то успокаивались на короткое время, будто для передыху. Ветер недолго гудел без снега в верхушках сосен. Невидимая рука бросала с неба очередную холодную массу снега, и пурга, словно наверстывая упущенное, злобно выла над санями. Ехали долго. Лошадь справлялась с дорогой, а ехать в санях было одно удовольствие. Однако, пока заехали за Мартемьяном, пока уговорили его поехать в деревню к нехристям, времени прошло прилично. Наконец, сделав крюк в объезд оврага, сани вылетели на опушку перед деревней.

То, что увидел Пётр Петрович Самсонов, потрясло его. Он и не предполагал, что Нижняя Пустомойка превратилась из процветающей когда-то деревни в небольшую кучу потрёпанных строений, которые и домами-то назвать было трудно. Дореволюционная изба и та была краше. Как в документальном фильме о Голодоморе тридцатых годов, вокруг стояли покосившиеся строения с многочисленными подпорками. Стены рубленых домов пестрели свежими заплатками из досок. Видимо, хозяева на зиму прибили их к дырам в стенах. Насыпали между досками и стеной опила и вроде как утеплились. Пока ехали на окраину деревни к дому покойника, Пётр Петрович Самсонов не увидел ни одного целого забора, ни одного дома без подпорок.

– Как они живут... – тихо сказал он как бы сам себе, но в санях его услышали. Отвечать не стали. Пожали плечами и промолчали. Деревня представилась, сама стала похожа на покойника. Лежала перед ними, умершая, растерзанная и забытая Богом и правительством, как покойник в холодных сенях, уже который год. Наверное, в таёжном краю перестали обращать на разрушенные деревни внимание. Кому надо...

Дом, в котором находился покойник, определили сразу. Со всех сторон деревни к нему тянулись свежие людские следы. Снег не успел занести – не менее десятка. Пётр Петрович Самсонов первым соскочил с саней и решительным шагом пошёл сквозь свалившуюся с петель раздолбанную калитку к крыльцу дома. Небольшая собачонка

выскочила ему под ноги и несколько раз облаяла хриплым лаем. Пётр Петрович Самсонов не обратил на собачку внимания. Та остановилась, посмотрела вслед человеку и замолчала, с любопытством поглядывая на лошадь и мужиков, идущих по двору. Собачка отскочила к небольшой будке и скрылась в ней. Крыльцо дома покосилось в левую сторону. Сломанная доска в полу крыльца выпирала по самой середине. Пётр Петрович перешагнул через сломанную доску одним шагом. Поднявшись на крыльцо, дёрнул обитую войлоком входную дверь и вошёл. Вслед за ним поспешил Мартемьян, оставив Титыча привязывать лошадь и осматриваться вокруг дома.

В горнице стоял полумрак. Со свежего воздуха Пётр Петрович едва не поперхнулся от махорочного дыма. За столом, посреди комнаты, сидели три мужика и дружно курили махорочные дешёвые сигареты и выпускали дым через нос и рот. На полу, подстелив под себя старый зипун, свернувшись калачиком, спали ещё два человека. На столе стояли несколько бутылок со спиртными напитками и две пепельницы – набитые бычками пол-литровые стеклянные банки. Из закуски Петр Петрович увидел только нарезанные куски хлеба и миску с квашеной капустой. Несмотря на утро, мужики выпили порядочно. Увидев вошедших в дом посторонних людей, один из сидящих вскочил со стула и бросился встречать гостей. Видимо, он узнал Мартемьяна. Разведя руки широко в сторону, он вскрикнул, чуть ворочая языком:

– Мартемьянушка, неужто ангелы к нам, бедолагам, пожаловали. Не ждали мы гостей. Поминки у нас. Друга свою хороним. Вот и справляем поминки.

Мартемьян не дал себя обнять и заговорил зычным голосом, пытаясь привести пьяных мужиков в чувство:

– Что же вы, мужики, делаете? В доме восьмой день покойник, а вы пьете. Совесть-то у вас есть или вы её пропили?!

К удивлению Петра Петровича Самсонова мужик никак не среагировал на критику Мартемьяна. Он чуть качнул головой и жалобно заговорил, глядя в давно не мытый пол избы:

– Пурга, Мартемьянушка! Пурга проклятая! На руках не донести, а лошадёнка недавно сдохла, сам знаешь. Покойника мы собрали.... Всё как положено. Симка гроб сколотил, Петровна от покойного мужа костюм дала. У меня рубашка белая со времен коммунистов в шкафу висела. Подошла в самый раз. Ботинки нашли в избе...., – он громко икнул. – Нет, Мартемьянушка, все как положено, все справили как надо....

– Покойник где? – перебил пьяную речь мужика Мартемьян.

Мужик махнул рукой в сторону двери и, качаясь, прошел к столу на свое место.

Мартемьян вытаращил глаза от удивления. Он хотел было сказать, что отпеть надо покойника, по христианскому обычаю, но не смог вымолвить и слова. В комнате повисла тишина. Пётр Петрович Самсонов ещё на входе в избу удивился тому, что покойника в холодных сенях не оказалось. Судя по всему, его не было и в сарае. Следы по двору располагались только в одном направлении – в дом и обратно. За восемь дней нахождения в доме покойник должен был разложиться. Петр Петрович Самсонов начал принюхиваться. Запаха не было. Вслед за ним принюхиваться стали и Титыч, и Мартемьян. Некоторое время гости усиленно тянули носом воздух, но кроме устойчивого запаха самогонки да кислой капусты, других запахов не наблюдалось. Гости переглянулись, и Мартемьян заорал на мужиков во всю свою глотку:

– Где покойник? Алкаши проклятые! Посмотрите на себя! В кого вы превратились?

Мужик, который произнёс длинную речь при встрече, не говоря ни слова, разлил по стаканам мутный самогон и молча выпил свой стакан до дна. Сидящие за столом мужики последовали его примеру. Один из них громко икнул и, придерживая рукой горло (видимо, чтобы не вырвало), тихо выговорил, еле ворочая языком:

– Чего орете как при пожаре? В спальне он лежит! Как лежал, так и лежит. А схоронить успеем. Одно пурга за окном. Как пурга стихнет, соберем мужиков по деревне, нальем по стакану и отнесем на погост. Вот делов-то! Шума больше, чем дела. Лучше бы с нами присели, выпили за упокой души хорошего человека. А вы все орете, орете!

Пётр Петрович Самсонов решительно шагнул к двери спальни и широко распахнул ее. На кровати действительно лежал покойник. Бледное лицо выделялось на темной подушке. Черты лица заострились. Темные впадины вместо глаз создавали видимость оголённого черепа. Руки покойника мирно лежали на груди, крест-накрест. Самое удивительное, что в спальне также не было запаха мертвеца. Словно человек умер только сегодня. Титыч подошел к покойнику и взял его руку.

– Рука-то тёплая! – выдохнул он. – Мартемьян! Это что? Летаргический сон у него, что ли?

– Дык ведь, кто его знает! Может, и сон, а, может, и нет!

Мартемьян осторожно подошёл к покойнику. Потрогал его руку, наклонился над грудью, послушал сердце.

– Нет.... не стучит. Умер все-таки, наверное.... Как узнаешь? Вот незадача....

Немного постояв в дверях, к кровати, подошел и Пётр Петрович Самсонов. С таким случаем он ещё не встречался. В горнице запели мужики. Нескладные голоса завели занудную мелодию, от которой присутствующих покорило.

– Сволочи! Им нет, что нет! Хоть умри, хоть воскресни! Никакой разницы.... Эх! Пропала Россия. Совсем пропала. Только Господь ее может спасти. Совсем пропала Россия-матушка. Прости их, Господи! Во не ведают, что творят!

– Надо сильно крикнуть, – неожиданно предложил Мартемьян. – Я слышал, если человек не умер, то проснуться от сна он может только при сильном крике, прямо в самое ухо.

– Вот тебе и работа! – воскликнул Титыч. – Ехали отпевать, а приехали воскрешать с того света. Ори, Мартемьян! Ори во все горло. Мужик, видно, так напился, что уснул и проснуться не может. Проспиртованный лежит, что ему сдётся. Кричи, Мартемьян! Убытка никакого. А если встанет, то Бог милует тебя царствием небесным. В угоду ему покричишь, Мартемьян. Человек создание божие. В его власти жить или умереть. Знать не пришло его время. Должен он ожить. Тебе от Господа великая милость. Пригодился твой голос. Как труба он у тебя. Славно кричи!

Мартемьян подошел к покойнику и, вдохнув в себя как можно больше воздуха, истошно закричал:

– А-а-а-а-а-а!!!

На крик в спальню забежали пьяненькие мужики. Они осоловелыми глазами смотрели на покойника, на Мартемьяна и, ничего не понимая, обратили взор на Титыча. В компании гостей он был самый авторитетный. Один из мужиков что-то хотел спросить, но не успел. Мартемьян снова вдохнул воздух и закричал, наклонившись к уху покойника, ещё громче:

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Пётр Петрович Самсонов едва удержался на ногах. Покойник тихо вздохнул и открыл глаза. Возле дверей послышался грохот падающих тел. Все мужики, что стояли за их спинами, упали в обморок. Пётр Петрович Самсонов ощутил, как волосы медленно поползли вверх. Титыч раскрыл рот от удивления, а Мартемьян схватился за голову и вытаращил глаза от ужаса. Он никак не думал, что его крик оживит покойника. Покойник же наоборот ничуть не удивился. Он обвел глазами незнакомых ему людей и тихо прошептал:

– Похмелиться бы! Страх как голова болит. Перепил я давеча!

* * *

Охота была удачной. Титыч подготовил берлогу, и медведя взяли легко. Пётр Петрович Самсонов не стал резать у хозяина тайги ухо. Забрал себе всю шкуру. Дорогая вещь. И памятная. После охоты Титыч пригласил в следующий приезд взять лису. Интересное дело. Опять же выгода. Дочка шубу купить просила. Вот и в самый раз. Лису взять зимой, хороший вариант. мех не лезет. Пётр Петрович Самсонов согласился. Когда через две недели «уазик» с Санькой за рулём лихо подкатил ко двору, Титыч первым делом сообщил, что воскресший мужик из деревни Нижняя Пустомойка месяц назад умер окончательно. Пил с соседями самогонку, не хватило. Мужики начали искать по дому, что бы ещё пригубить. Где-то в сенях нашли трёхлитровую банку бензина. Решили попробовать. Говорят, в голову бьет не хуже одеколona. Бывший покойник долго рассуждать не стал. С лёта выпил целый стакан, а так как закуски не было, закурил сигаретой. Выдохнул пары бензина и прикурил спичкой. Лёгкие оторвало в один миг.

Выходные

Пятница

В тюремный лазарет Пермяков Вова шел с плохим настроением. А чего хорошего? Дружбана Ваньку Шалаева неделю тому назад унесли на носилках прямо из барака. Знакомы они были давно. Ещё по молодости сидели вместе. Лагерь по области много, но постоянные их жители встречаются между собой часто. И Ванька Шалаев, и он – сидельцы давнишние, ещё тех времен, старых, с постоянной пропиской. Такие кадры на волю выходят на два-три месяца. Покурюлезят на свободе вдоволь и заезжают обратно. Первый срок Пермяков Вовка получил за «бакланку», в простонародье – драку. Второй срок за кражу, третий опять за драку, а все остальные сроки – за мелочёвку. То сумку у дамочки стащит, то напьётся и залезет ночью в ларёк за бутылкой водки. Районные судьи его хорошо знали и сроки давали небольшие. Знали: человек Пермяков Вовка не вредный, а просто невезучий. А ещё пьёт много.

Такого же калибра был и его приятель Ванька Шалаев. В лагере держались они вместе. Два старика, всю жизнь прошедшие за колючей проволокой. Старых зеков объединяло ещё то, что у обоих не было родни. Жёны давно бросили. Дети если и были, то их имён и адресов никто не знал. Когда были мужские силы, находились временные бабёнки, брали на постой, да только толку от каторжанина мало. Рождённый пить всё остальное не может!

На зоне одиночество не так чувствуется. Народу в бараке больше сотни человек – движуха. Но как только они оставались одни, тоска подбиралась прямо к самому сердцу. Ванька Шалаев доставал сигареты и принимался рассказывать о светлом прошлом, когда он был маленьким и мамка с папкой сильно его любили, проказника. Вовка Пермяков внимательно слушал и нет-нет – тоже вставлял пару фраз. Что делать, если кроме детства и вспомнить нечего? Время шло, менялись правители страны, а они всё сидели. Всё бы ничего, но изменился зек. Арестанты пошли всё больше молодые. Стариков типа них почти не было. Найти в колонии пенсионера стало не просто. Молодёжь пошла не та. Настоящих работяг среди них не было. Молодёжь не стремилась к работе. На промзону начальник отряда выгонял зеков только через ШИЗО. Когда Пермяков Вовка спросил у паренька, отчего тот не работает, то получил простой ответ:

– Меня посадили не работать. Хочешь пахать, зачем в тюрьме сидишь?

Логично. Только логика у каждого своя. Пареньку мамка каждый месяц баул с продуктами в лагерь загоняет. Пряники и шоколадки, сигареты фильтровые, а Вовке Пермякову на сигареты заработать надо. Дружбан по жизни, Ванька Шалаев на здоровье не жаловался. Морду, конечно, не отъел за хозяйский счет, но и с голоду не умирал. Токарь он был от Бога. На зоне специалисту благодать. На «карточку» падает и калым есть. Подработки хватает. Мусора платят наличными. И чего вдруг повелю у него голову? Шёл по бараку перед отбоем, схватился за голову и упал. Пока дежурному позвонили, пока вызвали санитаря, Ванька Шалаев чуть Богу душу не отдал. Обошлось. Успели утащить в санчасть. В санчасти сделали укол и переправили в больничку. Хорошо, что областная тюремная больница находится прямо на территории лагеря. Прошёл двадцать метров – и в больнице. Есть, правда, небольшая проблемка. Чтобы попасть в больничку, надо пройти сквозь дежурку. ДПНК (дежурный по колонии) может пропустить зека, а может и не пропустить. В рабочий день, конечно, не проскочить. Вряд ли отпустят цеховые мастера. Остаются выходные. Или, как сегодня – пятница, вечер. Второй смены нет. Хотя пятница – день не такой уж и спокойный. Конец недели, вечно кто-нибудь с проверкой приезжает. Понаедут с «управы» разные начальники. Они, эти проверяющие, страсть как любят в колонию по пятницам приезжать. Понятное дело, в кабинете засиделись. В пятницу

прокатился после обеда по зонам, развеялся, ещё может, пользу себе принес. Где накормят, а, может, и напоят. Смотря какой проверяющий! Это для ментов, а зеку в этом случае всё одно. Какой бы проверяющий на зону ни приезжал, ему по барабану. К дополнительным неудобствам на зоне всегда готовы.

После первой смены, когда суэта на зоне утихла, Пермяков Вовка снялся с промзоны и уговорил дежурного пустить его «на больничку», проведать старинного закадычного друга Ваньку Шалаева. Дежурный для вида покочевряжился, но пропустил. Старик к старику в гости идет.

Пусть топают. Пермяков Вовка знал, что уговорит мусора. Он ещё с утра приготовил другу подарки. Положил в пакет пачку крупнолистового чая, блок сигарет «Балканская звезда» в жёсткой упаковке и шоколадку «Альпен Голд».

– Обрадуется товарищ! – думал про себя Пермяков Вовка, шагая по узкой локалке в больничку. – Обязательно обрадуется! И не столько подаркам, сколько вниманию. Не забыл его старый друг. Пришел в больничку, подарков принес. Об этом посещении Ванька Шалаев полгода будет рассказывать соседям по палате. Жизнь в колонии однообразна. Новостей почти нет, а это новость! Если, конечно, Ваньку Шалаева не выпишут раньше.

В больничку пустили быстро. Видимо, контролёру на дверях больнички дежурный по лагерю по рации звякнул. Пермяков Вовка быстро прошёл сквозь железные решётки дверей и повернул налево. Сам несколько раз бывал в этом месте, так что дорогу знал наизусть. В коридоре спросил у первого попавшегося зека, где найти Ваньку Шалаева, и ему показали пальцем – третья палата. Пермяков Вовка вошёл и сразу увидел своего друга. В больничной палате стояло шесть кроватей. Возле каждой кровати – серая тумбочка времен царя Гороха. Больше из мебели в палате ничего не было. Пустое окно с жиденькими, грязноватого цвета занавесками не в счёт.

Пермяков Вовка как глянул на друга, так и опустил глаза. Побоялся, что увидит в них Вовка Шалаев страх и ужас от того, что увидел его друг. Неделя, по времени срок не большой, но Вовку Шалаева она изменила до неузнаваемости. Лицо посинело. Под глазами появились огромные черные мешки. Глаза потухли и сузились, как у китайца. Скулы выперли вперед. Про таких говорят: «Осталась на нём кожа да кости». Несколько секунд, пока Пермяков Вовка шёл до кровати, хватило ему взять себя в руки и улыбнуться. В мутно-серых глазах Ваньки Шалаева на секунду мелькнул маленький огонек радости, но тут же потух.

– Здорово, братан! – вполголоса сказал Пермяков Вовка и сел на краешек кровати.

– Здорово, Вова! – ответил тихо его друг и даже не поднял головы с подушки.

Пермякову Вовке показалось, что голос у Ваньки Шалаева сильно изменился. Практически до неузнаваемости.

– Всего-то неделя прошла, а что болезнь с человеком делает, – подумал Пермяков Вовка, но вслух ничего такого говорить не стал.

– Что, Вова? Плохо выгляжу, – прошептал Ванька Шалаев, – скрутило меня, брат. Помираю!

Хотелось Пермякову Вовке возразить своему старому другу. Соврать, сказать, что выглядит он орлом степным; что проживет сто лет; что они вдвоём много кого пропустили в своей очереди на тот свет и сейчас не спешат; что все будет хорошо. Но ком встал в горле старика, и он только откашлял сигаретную мокроту и промычал своему другу в ответ что-то нечленораздельное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.